

От редактора:

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Появление категории *гендера* в общественных и социальных науках, субдисциплины *гендерных исследований* и гендерных исследований применительно к отдельным областям знаний (например, истории) стало одним из наиболее заметных событий последнего тридцатилетия в современных социальных науках. Само понятие гендера оформилось терминологически в процессе развития теории феминизма¹, женских, а затем и собственно гендерных исследований, и стало одним из наиболее важных понятий, концептуализированных феминистской эпистемологией.

¹ Предложить универсальное определение феминизма практически не представляется возможным — его теория, идеология и практика столь многоаспектны. Объединяющими факторами для разных направлений в феминизме, благодаря которым можно говорить о нем как о некоем целом, являются критика традиционной патриархатной культуры, акцент на самоценности личности женщины и ее праве на свободу в самореализации. Большой толковый социологический словарь COLLINS предлагает четыре определения феминизма: 1. Целостная теория, связанная с характером глобального угнетения женщин и их подчинения мужчинам. 2. Социополитическая теория и практика, стремящаяся к освобождению всех женщин от мужского превосходства и эксплуатации. 3. Социальное движение, заключающее в себе стратегическую конфронтацию с гендерно-классовой системой. 4. Любая идеология, состоящая в диалектическом противоречии со всеми женоненавистническими идеологиями и действиями. Все большее число исследователей разделяет сегодня широкое определение феминизма. Из множества существующих я бы выделила формулировку из учебника по социологии Родни Старка, который предлагает рассматривать феминизм в трех взаимосвязанных измерениях: во-первых, в качестве оппозиции всем формам стратификации на основе гендера; во-вторых, исходя из убеждения, что биология не должна предопределять подчиненный статус женщин; и, в-третьих, на основе признания общего опыта и общих целей у женщин, которые направляют свои усилия на осуществление перемен.

В начале 1980-х гг. термин гендер был введен в исследовательскую повестку либеральными феминистами для анализа депривированного положения женщин, а затем был теоретически использован радикальными феминистами, становившимися все более влиятельными в университетах (и в программах “Женских исследований” — Women’s Studies), в качестве ключевой категории для анализа властных иерархий и взаимозависимостей, пронизывающих собой все общество и его институты. На этом этапе концептуализируются понятия *маскулинности* и *феминности*, а также социальной конструкции *сексуальности*, без которых анализ гендера и его моделирования уже неосуществим.

Отсутствие в среде специалистов общего мнения, что такое гендер и гендерные исследования, как они соотносятся с традиционными и с «женскими исследованиями», и, в частности, с «женской, или гендерной, историей» — все это вызывает трудности в определении предмета исследования. Категория «гендер», несмотря на широкое использование, остается весьма дискуссионной, поэтому будет уместным начать с определения, помещенного в оксфордском справочнике по философии: «Гендер — термин, введенный с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии «пола», то имеется ввиду их биологическое различие. Когда говорят о «гендере», то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятия *женщины* и *мужчины* и предполагают изначально установленное различие их социального положения»¹. При всей множественности и дискуссионности определений, смысл термина заключается прежде всего в идее социального моделирования или конструирования пола: гендер — социальная организация половых различий; социальная конструкция системы социо-половых отношений; культурологическая характеристика поведения, которое соответствует полу в данном обществе в данное время. Гендер — это осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения². Гендер — это набор социальных ролей; это — костюм, маска, смирительная рубашка, в которой мужчины и женщины исполняют свои неравные танцы³.

¹ См.: Gennifer H. The Oxford Companion to Philosophy. Oxford, 1995.

² См.: Sapiro V. The Political Integration of Women. Urbana, etc.: University of Illinois Press, 1984.

³ См.: Lerner G. The Creation of Patriarchy. New York — Oxford: Oxford University Press, 1986.

Все феминистские (как и гендерные) исследователи разделяют позицию, что не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы. С точки зрения биологии, пол очевиден с момента рождения, его не выбирают. В то же время ощущение человеком принадлежности к определенному социальному полу воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, которые будут его характеризовать как женщину или мужчину. Хотя биологические различия действительно существуют, не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Мужские и женские поведенческие нормы являются продуктами культур соответствующих обществ. Решающим фактором в формировании различий является процесс социализации, подчиненный культурному — в широком смысле слова — стандарту общественной среды.

Таким образом, термины «пол/sex» и «гендер/gender» используются для разделения набора биологических различий и системы социальных, культурных, психологических характеристик. Сам же гендер предстает как знание, устанавливающее значения для телесных различий. Эти значения варьируются в зависимости от культур, социальных групп и времени. Исследование гендерных отношений мужчин и женщин означает выявление полоролевых моделей их поведения как социально детерминированных — в отличие от традиционного подхода, где различие их социальных ролей определяется “естественным”, природным фактором, биологической организацией.

Выдвижение гендера в качестве категории анализа позволило расширить исследовательскую повестку. Например, заняться изучением того, как гендер (социальный пол) соотносится с анатомическими половыми различиями; как гендерные отношения конституируются и поддерживаются (в жизненном цикле человека и более широко — в качестве социального опыта, ограниченного временем); как гендерные отношения соотносятся с другими видами социальных отношений, такими, как классовые или расовые; что становится причиной, ведущей к изменениям в гендерных отношениях с течением времени; каковы взаимоотношения между формами сексуальности и гендерными отношениями; существуют ли только два, а если не два, то, сколько гендеров; каковы взаимоотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; перестанет ли быть актуальным вопрос о гендерных отношениях в эгалитарных обществах; имеется ли нечто отчетливо мужское или женское в спо-

собах мышления и социальных отношениях, и, если имеется, то являются ли данные различия врожденными или социально сконструированными; являются ли гендерные различия социально полезными или необходимыми, а если да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения «гендерной справедливости»¹.

Все эти вопросы поставили гендер в фокус дискуссий гуманитариев. Он был признан центральной категорией для анализа структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современном обществе. Утверждение гендера в качестве категории анализа стало одним из самых важных перемен в общественных и гуманитарных науках в 1980-е гг.

Проблематизация категории гендера внутри феминистской области «женских исследований» (Women's Studies) вызвала к жизни появление новой научной междисциплинарной субдисциплины — «гендерных исследований» (Gender Studies). Они стали развиваться как субдисциплина внутри феминистской мысли в области истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведении, переместив акцент с исследований женщин, что было характерно для 1970-х гг., на изучение гендерных отношений, включающих как женщин, так и мужчин. «Гендерные исследования» превратились в междисциплинарную исследовательскую область, в рамках которой стал осуществляться анализ властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования. От «женских исследований» гендерные исследования отличает иной исследовательский интерес. Для первых, особенно в 1970-е гг., было важно указать и продемонстрировать различия между мужчинами и женщинами, выявлять и распространять информацию о женщинах и, таким образом, создать фундамент для дальнейшего теоретического анализа. Получив толчок для своего развития от *женских исследований*, в *гендерных исследованиях* акцент переместился от изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата к исследованию более широкого социального контекста, анализу *гендерной системы*.

Развитие «Исследований мужчин» («Men's Studies»), «Гей/Лесбийских исследований» («Gay/Lesbian Studies»), «Квиер

¹ См.: Flax J. Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory // Nicholson L.J. (ed.) Feminism/Postmodernism. New York and London: Routledge, 1990.

исследований» («Queer Studies») стали ключевыми для переноса акцента в исследованиях с женщин на механизмы функционирования властного дискурса. С этого момента начинаются *гендерные исследования* как таковые, включившие в область своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности* и *сексуальности*. В 1990-е гг. «гендерные исследования» уже выступают в качестве междисциплинарной исследовательской субдисциплины, отделившейся от «женских исследований», став новейшим концептуальным проектом постфеминизма, в рамках которого реализуются новые возможности гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и приватной сферах. На этом этапе усиливается теоретическая роль в развитии «гендерных исследований» ранее периферийных областей, вышедших из невидимости, «Men's Studies», «Gay/Lesbian Theory», «Queer Theory».

Концептуализация понятия гендера превратила его в важнейшую категорию исторического анализа. Но прежде чем оперировать ею, необходимо произвести процедуру извлечения самих, прежде «невидимых», женщин из темноты прошлого, дать им «свою» историю. Долгое время из-за господства «биологизаторской» идеологической парадигмы, абсолютизовавшей анатомические различия между мужчинами и женщинами, многие сферы человеческой жизнедеятельности оказались как бы «естественно» разделенными на «женские» и «мужские», приватные и публичные. Разделение, обусловленное полом, отразилось соответствующим образом на содержании исторической науки и репрезентации истории. Для них характерным явилось четкое фиксирование стандартов женского и мужского поведения, признание соответствующей атрибутики пола «на все времена» и для всех народов; сегрегация женщин и женского внутри научного дискурса с подчас дискриминационным подтекстом («женская сфера», «женское занятие», «женская логика»). Сами же женщины практически полностью игнорировались в научных исследованиях. Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их групповые интересы концептуально несовместимы с историческим исследованием. И несмотря на факт, что женщины (вопреки исключенности из мира политики и профессиональной деятельности) на разных этапах участвовали **особенными и лишь им доступными** способами в мировых трансформациях, это обстоятельство не находило должного понимания у исследователей.

Исключение составили лишь труды, посвященные женщинам масштаба преподобной Евфросинии Полоцкой, княгини Ольги, народной героини Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике¹.

На первый взгляд, приоритет, отдаваемый всестороннему изучению экономического и политического развития стран и регионов, истории конфликтов и боевых действий, оперирование обобщающими терминами (народ, жители, население, трудящиеся, рабы, рабовладельцы, патрицианство, крестьяне, феодалы, землевладельцы, рабочие, буржуазия, политические деятели, политическая элита, армия, защитники отечества и т.д.) не имеет ничего общего с исключением женщин из канвы исследований. Наоборот, оно как бы свидетельствует о том, что женщины не изучаются в связи с незначительным присутствием их, в руководстве стран, в армиях и других важных областях жизни, отсутствием значимых следов их участия в общественно-историческом процессе. В обратном случае, возможно, все было бы иначе — ведь написаны труды о великих женщинах! Но при традиционном подходе шансов на развитие, по определению Н.Л. Пушкаревой, «исторической феминологии» мало, поскольку исторический процесс реконструируется историками как цепь принимаемых решений и событий, происходящих в рамках четко обозначенной т.н. *общественной сферы*, на фоне которой невидимой оставались все те, кто был вытеснен в «непрестижную» *приватную* сферу. Ими, прежде всего, были женщины.

Как следствие, знание конструировалось и продолжает конструироваться таким образом, что значительным группам населения в нем не находилось места. В результате происходило формирование соответствующего отношения к этим группам людей как к «иным», «ненастоящим». А что касается научного исследования таких групп, то оно, в лучшем случае, рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Заниматься исследованием роли женщин даже в тех сферах, где они были наиболее «видимыми», — в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства

¹ В белорусской историографии зарубежных стран первым стал сборник «Женщины-легенды» / Сост., научн. ред. и автор предисл. В.А. Федосик. Мн., 1993. Из российских работ следует выделить следующие: Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; Кайдаш С. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). М., 1989.

семьи — было непрестижно. Для включения «забытых» женщин нужна была смена идеологических парадигм, которая и состоялась во многом благодаря активному развитию феминистской эпистемологии. Вытеснение биологизаторской и утверждение на ее месте социально конструктивистской парадигмы происходило благодаря концептуализации и проблематизации новых или широко не использовавшихся прежде научных категорий.

Во-первых, произошла концептуализация понятия патриархата. Само введение этого понятия в научный дискурс не является несомненной заслугой феминистов второй волны. Использованное Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» для характеристики общества, пришедшего на смену материнскому роду в период разложения первобытнообщинного строя, оно оказалось незаслуженно забытым и стало прочно ассоциироваться с «детством» истории: «ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено. Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье»¹. Существенным признаком такой семьи, далее пишет Ф. Энгельс, является отцовская власть: «Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной»².

Параллельно процессу утверждения патриархата, государства и, соответственно, общества гендерного неравенства шел процесс утверждения классового общества. Именно «класс» в качестве категории общественной стратификации и такие его производные как «классовая борьба», «социально-экономическая формация», «социальная революция» (но в применении лишь исключительно

¹ Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 6. М., 1987. С. 139.

² Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 6. М., 1987. С. 241.

к борьбе классов и в качестве ее итога) стало предметом исследования историков (не обязательно марксистов). О патриархате просто забыли, и само общество с точки зрения пола/гендера не подвергалось изучению, пока на это обстоятельство не обратили внимание феминистские исследователи, которые дали развернутое описание патриархата. Патриархат — это система (экономическая, социальная, культурная), обеспечивающая доминирование мужчин в обществе и семье, которое осуществляется в различных формах: разделении сфер труда, сегрегации женщин и вытеснения их в особые «женские сферы»; практике двойных стандартов, различающихся для мужчин и для женщин; лингвистической дискриминации последних; неравном доступе к образованию и институтам власти. Таким образом, патриархат представляет систему, в которой интересы женщин подчинены интересам мужчин, а в более широком смысле — патриархатной власти, которая основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет биологическое различие между мужчинами и женщинами. Патриархатные отношения являются структурными: они укоренены в институтах и в социальных практиках общества.

Во-вторых, состоялись концептуализация понятий *общественного* и *приватного* пространств в патриархальном обществе, в которых мужчины и женщины играют несимметричные роли, и проблематизация вопроса о соотношении между *общественным* и *приватным*. Патриархальное общество характеризует отчетливая дихотомия двух сфер жизнедеятельности: *общественной* — первичной и *приватной* — вторичной и, соответственно, не обладающей высоким статусом. Различие между *общественной* и *приватной* сферами сложилось и существует как отражение отношений власти и подчинения между мужчинами, монополизировавшими сферу *общественного*, и контролируемые ими женщинами, вытесненными в область *приватного*. Поэтому, если субъект истории (а соответственно и политики), в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то участие женщин в событийной истории (которое было действительно минимальным в силу вытеснения женщин из сфер общественной жизни, особенно до предоставления им политических прав и расширения их участия во внесемейном хозяйстве) не изучались по вполне объективным причинам: их там просто не было. Но вместе со смещением исследовательского интереса с изучения общества на макроуровне и переходом историков к изучению его (особенно до-нового времени) на микроуровне возник-

ли совершенно новые объекты исследования: семья, детство, старость, повседневность, жизнь и смерть человека. Включение женщин в научный дискурс стало неизбежным.

В-третьих, произошла концептуализация категории гендера, получившего статус, равнозначный по значимости категориям «класс» и «этнос». Изучение общества и протекающих в нем процессов только с классовых позиций, проводившееся в СССР на протяжении десятилетий, не могло создать полнокровную картину общества ни в исторической ретроспективе, ни его современного состояния. Выделение новых стратификационных параметров (таких, как раса, пол, возраст, семья, физическое состояние) и изучение общества на их основе, безусловно, обогащает историческую науку более объемным знанием об обществе и протекающих внутри него процессах, а методологию исторического исследования — новым инструментарием. Использование в качестве основы для изучения исторических срезов любого из названных параметров перспективно и с методологической и с эпистемологической точки зрения. Что касается гендерного анализа общества, то он не обязательно полностью подменяет собой классовый, но, используемый в сочетании с ним, позволяет создавать более объемную панораму общества.

Хотя сегодня в среде западноевропейских и американских исследователей существует практически полное признание того, что в основу объективного исторического исследования должна быть положена информация, характеризующая положение в обществе, политике, хозяйственной деятельности обоих полов, еще недавно эта точка зрения продвигалась в жарких академических дискуссиях. Предшествовавшая историография не признавала за различиями пола/гендера определяющего статуса, аналогичного таким ключевым категориям, как класс или этнос. Дебаты, развернувшиеся со второй половины 1960-х гг. по многим проблемам истории и современного состояния общества, в результате привели к тому, что к 1980-м гг. множество «частных» тем, которые касались женщин, стали не просто статусными, но и приобрели совершенно иное звучание.

Активно развиваясь, «история женщин» включила в сферу своих интересов множество вопросов, имеющих отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии — «гендерной истории». Что же представляет из себя логика развития последней? Каким образом концептуализация категории «женщин» и «гендера» повлияли на формирование и развитие гендерной истории? На первом этапе исследователи занялись

включением в историческую канву женщин, прежде забытых или вычеркнутых из официальной «мужской» историографии, и созданием т.н. «ее истории» («her-story» в противовес «his-story» — «его истории»). В середине 1970-х гг., стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, исследователи занялись изучением исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. Традиционный социально-классовый анализ общества они дополнили фактором различия полов, а статус исторического лица предложили рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. На этом этапе категория гендера еще не вошла в историческое исследование.

На следующем этапе вместе с концептуализацией понятия гендера в 1980-е гг. сложилось направление, в котором центральным предметом исследований выступает уже не «история женщин», а история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, т.е. гендерных отношений, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировала американский историк Джоан Скотт в докладе «Гендер: полезная категория исторического анализа», озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в декабре 1985 г. и через год опубликованном в виде статьи в *American Historical Review*. Траектория современного исторического знания, в ее трактовке, развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин к ее зеркальному отражению — однополю «монологической» «женской истории» и далее — к «диалогической» истории *гендерных отношений*, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального и соответственно, свое предметное поле и включившей в него все сферы межличностных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Таким образом, переход от истории женщин к гендерной истории был закономерен, и стимулировал научную полемику о путях интеграции новой дисциплины во всеобщую историю. Наиболее полный теоретико-историографический анализ развития женской и

гендерной истории в русскоязычной литературе представлен статьями Н. Л. Пушкаревой¹ и работами Л. П. Репиной².

Программы заседаний Международных конгрессов исторических наук, начиная с 1960-х гг. стали отражением изменений исследовательского интереса ученых в сторону более «тщательного изучения повседневной жизни людей в разные исторические эпохи»³, которое без включения женщин уже невозможно. Рост числа исследователей на Западе, задействованных в «женских исторических исследованиях», привел к оформлению соответствующих организационных структур. В 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук была создана «Международная федерация исследователей, изучающих историю женщин», объединившая ученых нескольких десятков стран. Тем самым манифестировалось признание «женской темы», которая к тому же достаточно быстро насыщалась на Западе фундаментальными разработками.

Тем не менее, на постсоветском пространстве число историков, решивших связать свою научную биографию с новым направлением, пока сравнительно невелико, хотя уже можно констатировать наличие перемен. Активно разрабатывает новую область исторического познания ведущий научный сотрудник

¹ См.: Пушкарева Н.Л. «Как женщин сделали видимыми» (см.: настоящий сборник); Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Пушкарева Н.Л. «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999; Пушкарева Н.Л. Между «торьюмой» и «хаосом». Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Шорэ Э., Хайдер К. (отв. ред.) Пол. Гендер. Культура. Вып. 2. М., 2000.

² См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть I // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

³ См.: Академик Тихвинский С.Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и Новейшая история, 2001. № 1. С. 7.

Института этнологии и антропологии РАН, постоянный представитель России в “Международной федерации исследователей, изучающих историю женщин” Н. Л. Пушкарева, которая занялась «женской темой» еще в середине 1980-х гг.¹ В 1990-е гг. она издала (не считая многих статей) несколько новых книг², в т.ч. монографию «Женщины в русской истории с десятого по двадцатый век» в США, переизданную затем в Великобритании. Обобщающая статья Л. Н. Пушкаревой открывает представляемый читателю сборник.

И в других научных учреждениях РАН работают специалисты, исследовательский интерес которых связан с новым направлением. Проблемы гендерной методологии в историческом исследовании и исторической феминологии находятся в центре внимания ученых из Института всеобщей истории

¹ См.: некоторые статьи Н.Л. Пушкаревой, опубликованные в 1980-е гг.: Женщина в средневековом Новгороде XI—XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3; Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X—XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4; Отечественная историография вопроса о положении женщин на Руси X—XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985; Методика работы с нормативными памятниками X—XV вв. для характеристики истории семьи и положения женщины // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Тбилиси, 1985; Имущественные права женщин в Русском государстве X—XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986; Семейный быт Древней Руси // Семья и школа. М., 1986. № 11, 1987. №№ 1—2; Зарубежная историография о социальном положении женщины в Древней Руси // Вопросы истории. 1988. № 4; Женщина в древнерусской семье (X—XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4; Семейный быт Древней Руси: отношения детей и родителей // Традиции семьи. Свердловск, 1988; Комплекс актовых источников и методика работы с ним для характеристики социального статуса женщин в Русском государстве // Актуальные проблемы изучения и издания письменных источников. Вып. 2. Тбилиси, 1988; Социальный статус средневековых женщин в центре внимания историков Европы и США // Вопросы истории. 1988. № 9; Нормативные памятники как особый источник по истории древнерусской семьи // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1988.

² Пушкарева Л.Н. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997; «А се грехи злые, смертные» (Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в)). М., 1999.

РАН Л. П. Репиной¹ и Т. Л. Лабутиной. В ряду авторитетных исследователей — опубликовавшая более 60 работ по теории и истории женского движения, гендерному измерению политических процессов в России ведущий научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН С. Г. Айвазова. В Институте США и Канады РАН гендерные исследования ведут Е. В. Исраелян и Н. А. Шведова, одна из работ которых представлена в настоящем сборнике.

Сегодня в гендерной проблематике активно работают историки, представляющие Ивановский государственный университет — О. А. Хасбулатова², О. И Шнырова, Т. Б. Рябова³, Тверской государственный университет — В. И. Успенская, Петербургский Институт языка и культуры, один из авторов данного сборника, И. И. Юкина и ряд других. Своими публикациями заявила о себе группа исследователей, работающих на кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета (М. А. Буланаква, Н. В. Новикова, А. М. Ермаков)⁴. На Украине гендерная проблематика в истории разрабатывается историком-феминистом, председателем Одесского научного Центра женских исследований Л. А. Смоляр⁵, харьковская школа представлена монографией руководителя Харьковского центра гендерных исследований, И. А. Жеребкиной⁶. В Беларуси историографические и методо-

¹ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть I // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

² Хасбулатова О. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново, 1994; Хасбулатова О. А. (отв. ред.) Социальная феминология. Иваново, 1998.

³ Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.

⁴ См.: настоящий сборник.

⁵ Смоляр Л. Минуте заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX — поч. XX ст. Сторінки і сторії. Одеса, 1998.

⁶ Жеребкина И. Женское политическое бессознательное. Проблема гендера и женского движения в Украине. Харьков, 1996. 1618835

логические аспекты новой дисциплины последовательно разрабатывает участвующая в данном сборнике своим новым материалом О. М. Шутова¹, перспективы гендерной истории в свете «визуального поворота» современной гуманитаристики анализирует в одной из статей А. Усманова². Ряд преподавателей-историков и аспирантов Минска, Гродно, Бреста, Витебска, в т.ч. публикуемые в сборнике О. И. Чеснокова, Г. Н. Яковлева, О. М. Ленцевич, Е. Н. Сурта, С. А. Толмачева, А. В. Булич, А. Н. Дулов, тоже начинают проявлять интерес к исторической феминологии, предполагающей ревизию подхода к изучению общества, с тем чтобы учитывать его многокомпонентность, наличие, помимо классов, других стратификационных параметров, среди которых «пол/гендер» является одним из важнейших.

И.Р. Чикалова

¹ См.: Шутова О. На пути к истории людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века). Мн., 1999; Шутова О. Гендерный подход и междисциплинарность в историографии // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований / Ред. И.Р. Чикалова. Мн., Май 2000; Шутова О. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии (см. настоящий сборник).

² См.: Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные исследования, 2001, № 4.